

НОВОНАЙДЕННЫЕ АВТОГРАФЫ РУССО

Публикация В. И з м а и л ь с к о й

Закончившееся в 1934 г. в Париже издание двадцатитомного собрания переписки Ж.-Ж. Руссо включает около 3000 его писем и свыше 1000 писем, адресованных к нему. Подготавливавшееся в течение почти 60 лет известным руссологом Теофилом Дюфуром, оно вышло уже после его смерти, под редакцией продолжателя его дела, Пьера-Поля Плана, сохранившего на издании имя Дюфура. Со времени издания писем Руссо, выпущенного Мюссе-Патэ (Mussat-Pathay) в Париже в 1825 г., его переписка в более поздних публикациях не подвергалась, до издания Дюфура, каким-либо значительным изменениям. Издание же последнего пополнено 600 новыми письмами, а все опубликованные ранее письма Руссо были Дюфуром тщательно сверены с автографами, черновиками, копиями и первопечатными текстами. При этом Дюфуром были использованы и связанные с Руссо документы, находившиеся в русских собраниях. Несмотря на это, редакции «Литературного Наследства» удалось обнаружить в архивах Ленинграда и Москвы автографы семи писем и одной расписки Руссо, оставшиеся неизвестными Дюфурю. Четыре из этих автографов не были вовсе опубликованы. Тексты остальных четырех писем известны, но они были напечатаны Дюфуром по черновикам и копиям. Опубликование этих последних документов на основании автографов дает возможность внести некоторые уточнения, дополнения и поправки в их печатные тексты.

Публикуемые письма относятся к 1754—1765 гг., наиболее значительным и творчески напряженным в жизни Руссо. В этот период им были созданы и появились в печати такие произведения, как «Речь о возникновении неравенства между людьми», «Новая Элоиза», «Эмиль», «Общественный договор», «Письма с горы». Эти годы расцвета его творчества и славы были одновременно годами борьбы, преследований и гонений. Публикуемые письма дают интересный материал для выявления облика Руссо именно этого времени. Два из впервые публикуемых писем, в частности, связаны с крупными фактами литературной деятельности Руссо—с публикацией его «Речи о происхождении неравенства между людьми» (письмо к г-же Левассёр, 1754) и историей создания «Писем с горы» (письмо к Л. Устери 27 сентября 1764 г.).

Записка к г-же Левассёр, матери будущей жены Руссо, Терезы Левассёр, любопытна также и потому, что она является первым и единственным до сих пор обнаруженным письмом к ней.

Все ссылки и цитаты из писем Руссо и его корреспондентов в настоящей работе сделаны по последнему изданию переписки Руссо: «Correspondance Générale de J. J. Rousseau, collectionnée sur les originaux, annotée et commentée par Théophile Dufour, librairie Armand Colin. Paris, 1924—1934». — Указывается сокращенно Corr. Gén.

Помещаемые автографы Руссо расположены в хронологическом порядке. В приложении мы печатаем письмо Терезы Левассёр—вдовы Руссо—к Екатерине II, обнаруженное и сообщенное нам Е. В. Александровой.

1. [Г-же ЛЕВАССЁР]

[Около 1 июня 1754 г.]

Попросить г. Мюссара написать самым точным образом свой адрес для того, чтобы мои письма, которые я буду посылать почтой, наверное бы до него доходили; прислать мне этот адрес в вашем первом письме.

Предупредить того же г. Мюссара, что г. Дидро должен к нему зайти и что я прошу его дать ему [Дидро] настоящую рукопись для просмотра. После этого пусть г. Мюссар будет добр оставить рукопись у себя и распорядиться ею, как я ему укажу в письме, если он захочет оказать мне эту любезность.

Автограф.—Публичная библиотека, Ленинград. Собрание Вакселя, № 15.

Датировка и адресат записки определяются по двум связанным с нею по содержанию письмам Руссо к своему близкому другу и родственнику, Франсуа Мюссару (Corr. Gén., II, №№ 165—168). Первое письмо к Мюссару (Mussard), от 9 июня 1754 г., было отправлено Руссо из Дижона, по пути в Женеву, куда он выехал 1 июня 1754 г. вместе со своей постоянной спутницей и будущей женой, Терезой Левассёр (Levasseur). В письме Руссо просит передать оставленный им у г-жи Левассёр (матери Терезы) пакет с рукописью своему «другу», т. е., как мы теперь знаем, Дидро, на просмотр. Адресуя письмо по неточному адресу Мюссара (Près les anciens eaux à Passy), Руссо, как и в публикуемой записке, и даже в тех же выражениях, высказывает Мюссару просьбу оставить свой адрес, только на этот раз не у Левассёр, а у книгопродавца и первого издателя Руссо—Писсо (Pissot). Тут же он дает Мюссару обещанные им ранее в записке подробные указания относительно дальнейшей судьбы рукописи. Таким образом, пакет с рукописью мог быть передан Руссо г-же Левассёр перед отъездом в Женеву (т. е. до 1 июня 1754 г.), и само собой напрашивается предположение, что записка была обращена к г-же Левассёр и оставлена у нее при пакете в качестве письменной инструкции для нее.

Второе письмо к Мюссару, от 6 июля 1754 г., отправленное уже, повидимому, по получении точного адреса на имя зятя Мюссара, г. Вальмалетта, на улице Моконсейль в Париже, также содержит указание на рукопись, оставленную Руссо в Париже для передачи Дидро. В нем Руссо уже высказывает удовлетворение по поводу того, что сочинение понравилось и Мюссару и «другу», т. е. Дидро, которому он его передал.

Датировка записки помогает установить, о какой именно рукописи Руссо идет речь в ней. К этому времени относится его знаменитая диссертация на тему «О причинах возникновения неравенства между людьми»—вторая диссертация, написанная на конкурс Дижонской академии. Упомянутое письмо к Мюссару от 6 июля 1754 г., со своей стороны, дает основание утверждать, что рукопись, оставленная Руссо у г-жи Левассёр, была именно этой самой «Речью о возникновении неравенства». Руссо намекает в этом письме на содержащуюся в оставленной им рукописи скрытую полемику по вопросам искусства и театра. Взгляды Руссо по этим вопросам, высказанные им ранее, в предисловии к пьесе «Нарцисс», были углублены и развиты им именно во «Второй речи».

2. [ДАНИЭЛЮ РОГЕНУ]

Монморанси, 14 сентября 1761 г.

Вы не могли бы, мой дорогой и почтенный друг, прислать мне более прискорбной вести, чем сообщение о вашем близком отъезде. Как! Вы боитесь холодов и при наступлении зимы отправляетесь проводить ее в климате гораздо более суровом, чем наш здешний. Почему бы вам не подождать весны? Ваше переселение произошло бы в благоприятное время года, и, может быть, я имел бы удовольствие сопровождать вас, так как более, чем когда-либо, питаю намерение если не совсем обосноваться в Швейцарии, то хотя бы совершить туда путешествие. Печаль-

ное состояние моего здоровья делает ныне выполнение этого проекта невозможным, но либо он будет осуществлен в ближайшем году, либо вовсе не осуществится. Мне кажется, мой добрый друг, что, если бы я мог мирно провести остаток дней своих подле вас, вдали от людской суеты, вдали от докучных людей, в полной безвестности, я был бы безмерно счастлив. Подумайте об этом, умоляю вас. Что до меня, я думаю об этом всерьез и в душе твердо решил либо последовать за вами, либо посетить вас в мае месяце, только бы зима оставила мне надежду перенести это путешествие. Поскольку я надеюсь время от времени иметь от вас известия и не прерывать с вами сношений, я рассчитываю, что мы не раз еще вернемся к разговору об этом путешествии, по поводу которого я, в своих мечтах, строю восхитительные воздушные замки, и притом близ Ивердена*. Так как, судя по вашему письму, вы остаетесь здесь до начала будущего месяца и так как я представляю себе также, что подобное переселение на новое местожительство должно доставить вам много хлопот, я сделаю, если только буду в состоянии, то, что вам теперь сделать будет неудобно. Итак, не очень удивляйтесь, если вдруг в один из ближайших дней вы очутитесь у себя дома, на улице Кокерон, в объятиях самого признательного, самого нежного и верного из своих друзей.

Ж. Руссо

Мадемуазель Левассёр весьма тронута оказанным ей вниманием, покорнейше благодарит вас за него и просит принять уверение в совершенном своем почтении. Кстати, я не понимаю, почему это вы постоянно оплачиваете почтовые издержки своих писем? Я теперь вполне в состоянии принять на себя этот небольшой расход и уверяю вас, что ни на какой другой не согласился бы с более легким сердцем.

Р. С. Особенно прошу держать все втайне.

Автограф.—Публичная библиотека, Ленинград. Собр. Андреева.

В коллекции А. Моррисона в Лондоне, вместе с более поздним письмом Руссо к Даниэлю Рогену (Corr. Gén., XV, № 2934), хранится 4-я страница одного из писем Руссо с собственноручно написанным им адресом: «Г-ну Рогену на улице Кокерон в Париже» и почтовым штампом: «Enghien-Les-Paris» (Ангиен; другое название местности—Монморанси). На этом листке другим почерком карандашом сделана помета: «Из Монморанси 14 сентября 1761 г.», на основании которой Т. Дюфур высказал предположение о существовании обнаруженного письма Руссо к Рогену (Corr. Gén., VI, № 1129).

Совпадение даты и места отправки публикуемого нами автографа (14 сентября 1761 г., Монморанси), его содержание и, наконец, внешний вид (он представляет собою 1-ю и 2-ю страницы разорванного на две части письма) дают все основания считать, что это и есть то самое письмо Руссо к Д. Рогену, страница с адресом которого хранится в Лондоне и о существовании которого предполагал Дюфур.

Одно из своих писем к Д. Рогену Руссо считал затерявшимся на почте. Его-то Дюфур идентифицировал с обнаруженным тогда и публикуемым теперь нами письмом. Однако, сопоставление содержания пропавшего письма, которое Руссо повторил в письме к Рогену от 16 октября (Corr. Gén., VI, № 1146), с данным не позволяет отождествлять эти письма.

Адресат письма, Даниэль Р о г е н (Roguin), — старинный друг Руссо, оказывавший ему еще в годы его безвестности в Париже материальную поддержку (Corr. Gén., I, № 94).^{*} Говоря в письме 1761 г. (Corr. Gén., VI, № 1205) о двадцатилетней,

* Непереводимая игра слов: «châteaux en Espagne» — значит воздушные замки, дословно — замки в Испании; Руссо поэтому пишет, что замки строит не в Испании, а близ Ивердена, в Швейцарии, на родине адресата.

а в письме 1766 г. (Corr. Gén., XV, № 2991) о двадцатипятилетней связывавшей их дружбе, Руссо сам определяет начало знакомства с Рогеном 1741 г., т. е. относит его еще к первому приезду своему в Париж.

Д. Роген—родом из Ивердена в Швейцарии; в молодости офицер голландской службы. Впоследствии, оставив службу, поселился в Париже. Был в приятельских отношениях с Дидро. В годы пребывания Руссо в Монморанси Роген вместе с Леньепсом и Куанде были единственными близкими людьми, оставшимися у Руссо из прежних парижских друзей. Поэтому он с таким искренним огорчением принял весть об отъезде Рогена в Швейцарию.

Postscriptum этого письма говорит о державшемся пока в секрете намерении Руссо переселиться из Монморанси в Иверден. Спустя девять месяцев, декрет французского правительства об аресте автора «Эмилия» принудил Руссо, уже не по доброй воле, осуществить это намерение и в ночь на 9 июня 1762 г., тайно покинув Монморанси, искать убежища у своего друга Рогена в Ивердене. Но, преследуемый также и бернским правительством, Руссо мог провести в Ивердене всего лишь несколько недель (с 14 июня по 9 июля 1762 г.).

3. БАНКИРУ ЛЕНЬЕПСУ

Мотье, 9 января 1763 г.

Больше с огорчением, чем с удивлением, узнал я, мой добрый друг, о перемене религии г. Ламбером. К этой уловке он, разумеется, должен был прибегнуть, и я прекрасно понимаю, как это должно сказаться на исходе вашей тяжбы с ним. Ах, дорогой Леньепс! Для успеха в делах хорошо быть лицемером, пройдохой и лжецом. Против таких людей не издают декретов, и такие люди в редких случаях проигрывают процессы. От всего сердца желаю, чтобы ваш процесс с ним [Ламбером] закончился в вашу пользу. Но мне представляется чрезвычайно трудным, чтобы честный человек, особенно во Франции, мог выиграть дело.

Я очень тронут всеми любезностями г. Латура. Этот человек достоин такого глубокого уважения, что свидетельства дружбы, им оказываемые, всегда делают честь тому, кто их получает. А я уже так много получал их, что они навсегда оставят в моем сердце благодарную память. Я очень рад, что он согласен руководить изготовлением гравюры с моего портрета; это оградит его произведение от искажения; но очень трудно избежать этого, если гравюра должна быть такого малого формата, чтобы она могла поместиться в книге. И хотя при нынешних обстоятельствах я ничего не имею против того, чтобы мой гравированный портрет появился в Париже, все же, если бы это зависело от меня, я никогда не поместил бы его впереди текста моих сочинений. К несчастью, со мной советуются об этом не больше, чем о самом собрании сочинений, и господа де Лапорт и Дюшен распоряжаются моей собственностью так же непринужденно, как своей. Комплимент г. аббата де Лапорта по поводу моего письма, которое он так развязно у вас просит, походит на развязность человека, похитившего у вас кошелек и явившегося бесцеремонно спросить вас, не оставил ли он вам по ошибке нескольких экю. Вы знаете, дорогой друг, что единственным источником средств, который я для себя приберег, чтобы иметь кусок хлеба, было полное собрание моих сочинений. Эти господа, отнимая у меня этот источник, делают все от них зависящее, чтобы заставить меня или умереть с голоду или просить милостыню, чего я твердо решил никогда не делать. И если аббату де Лапорту, который мне ничем не обязан и с которым я не имел никаких сношений, я могу поставить в упрек лишь этот единственный грубый и непорядочный поступок, то г. Дюшен ведет себя в этом деле очень недобросовестно и проявляет большую не-

благодарность. Так, обратившись ко мне несколько времени тому назад с письмом, он остерегся сказать мне что-либо об этом предприятии. Одно уж это молчание показывает, что он сам обо всем этом думает. После того, как мои книги были сожжены в Париже, я не могу противиться тому, чтобы их там печатали, но если эти господа заходят так далеко, что вовсе не желают считаться с автором, пусть они не рассчитывают на то, что я буду молчать и еще до выхода издания в свет не выскажу публично своего к нему отношения. Воздержитесь, прошу вас, по крайней мере; до получения от меня нового извещения, от передачи им вышеупомянутого письма; но если бы вы могли на досуге прислать для меня лично с него копию, вы бы сделали мне большое одолжение.

Ж.-Ж. РУССО

Миниатюра на кости неизвестного художника французской школы XVIII в.

Эрмитаж, Ленинград

Возвращаясь к г. Латуру, должен сказать, что, не желая быть нескромным, я тем более не могу принять от него в подарок портрет, который он писал в Монморанси, что он уже подарил мне с него копию, им же самим и столь превосходно сделанную, и за свой счет поместил ее в раму и под стекло. Я же и по сию пору не выполнил по отношению к нему своих обязательств, хотя бы по возмещению издержек. Этот портрет находится в кабинете маршала де Люксанбура, которому угодно было оказать ему сию честь после того, как сам он, в свою очередь, как вы знаете, подарил мне свой портрет. Посудите сами, могу ли я после этого принять в подарок еще один портрет? Это не значит, что, будучи его обладателем, я не нашел бы для него подходящего и даже важного применения. Но так как ничто не дает права на скверный поступок и так как то, что было вначале проявлением дружбы, стало бы в таких условиях низо-

стью и жадностью с моей стороны, я прошу вас выразить г. Латуру мою живейшую и нежнейшую признательность за предложение второго дара и просить его, при этом, не поднимать об этом больше речи.

Я полагаю, что г. Байо не замедлит отбыть к вам. Как бы то ни было, прошу вас, когда вы будете писать нам обоим, не слать больше писем на его имя, а лучше на мое. Я не поддерживаю с ним никаких сношений, и мне неприятно пользоваться его услугами. Мне очень досадно, дорогой друг, что вы вынуждены один нести почти все расходы по нашей переписке. Но я предоставляю вам это делать, поскольку иначе нельзя и поскольку у меня нет иного способа устранить это неравенство, как лишь вернув вам свой долг, на что вы не согласитесь.

Прощайте, мой добрый, дорогой друг. Обнимаю вас. Я все время хвораю; среди ваших огорчений старайтесь, по крайней мере, сохранить свое здоровье лучше, чем это делаю я.

Руссо

Адрес: Господину банкиру
Леньепсу
на улице Савау, в Париже

Почтовый штемпель:
«Pontarlier»

На том же последнем листе письма зачеркнутая помета Руссо: «Fr-o. Pontarlier» и, вероятно, помета Леньепса: «Руссо, Мотье, 9 января 1763 г.; получено 13 янв., отв. 15 февр. [дата ответного письма Леньепса, действительно, помечена 15-м февраля], пол. [?] 22 февр.». На первом листе сбоку неизвестной рукой: «тридцать девятое».

Автограф.—Институт Маркса—Энгельса—Ленина, Москва.

Настоящее письмо было впервые опубликовано лишь в 1927 г. по копии, снятой с оригинала в 1795 г. (Corg. Gén., VIII, № 1650). Помета «тридцать девятое», сделанная на автографе, указывает, что оно было тридцать девятым из числа пронумерованных сорока шести писем Руссо к Леньепсу. Копии с этих писем, снятые наследниками Леньепса в 1795 г. для представления в Конвент, от которого они хотели получить субсидию на издание этих автографов, в настоящее время принадлежат П.-П. Плану. Что же касается подлинников, то можно думать, что, не получив от Конвента субсидии на издание писем Руссо, наследники Леньепса распродали автографы поодиночке. Таким путем, в течение XIX в. часть их появилась на аукционах (Corg. Gén., II, № 147). Из сорока шести писем лишь двенадцать известны в автографах и использованы Дюфуром при издании в Corg. Gén. Наше письмо увеличивает число этих автографов до тринадцати. Копии с писем были сделаны весьма тщательно, и текст публикуемого нами письма, напечатанного с такой копии, никаких существенных различий с автографом не имеет.

Адресат письма Л е н ь е п с (Lenieps Туссен-Пьер, 1694—1774)—женеvский банкир, земляк и друг Руссо. Был поверенным во всех его литературных делах. Соединяла их и некоторая общность судьбы. За принадлежность к так называемой «народной» партии, которая уже с 1731 г. повела борьбу с «аристократической», Леньепс должен был эмигрировать из Женевы и жил в Париже таким же изгнанником, преследуемый и в изгнании, как и Руссо в Мотье. Начало их переписки относится к 1752 г. После смерти дочери Леньепс вел долгую тяжбу со своим зятем Ламбером из-за оставленного в пользу малолетнего внука наследства. Одной из уловок Ламбера, при этом, была перемена религии, так как путем присоединения к господствующей во Франции католической церкви Ламбер надеялся получить преимущество перед своим тестем в глазах французского суда.

Л а т у р (Latour Мари-Квентин, 1704—1788)—знаменитый художник-пастелист, оставивший после себя целую галерею портретов своих современников, в том числе портреты Дидро, Вольтера, г-жи Жоффрен и других. Латур—давний знакомый Руссо. С ним Руссо встречался еще при жизни Мюссара в доме последнего и ценил художника не только за талант и благородство натуры, но и за сочувствие своим взглядам.

A Mâtin-Brunen le 6. Avril 1764. 3.

Cher Monsieur, Madame, vous savez une bonne mère, c'est-à-dire celle qui vous manquez pour les devoirs attachés à la sienne, elle est grand dommage que Monsieur Roguin ne vous en ait mis en état de les remplir. Vous vous inquiétez de je ne sçait de l'attitude à donner à votre enfant, de sa tenue ou de ses vêtements, de sa nourriture, de la manière de pourvoir graduellement à son éducation, et il n'est pas encore né ! C'est, Madame, une sollicitude maternelle très bien placée à certains égards, et d'autres un peu précieuse, mais fort louable en tout sens et qui méritent bien que j'y réponde de mon mieux.

En premier lieu il importe peu que l'enfant soit dans une position d'acier ou dans aucune chose, pourvu qu'il soit couché — peu mollement, un peu de biais, et jouisse au grand air. S'il est en lit, il ne tardera pas d'acquiescer la force nécessaire pour se tenir sur l'abaissement qui lui conviendra, et d'ailleurs il ne sera pas toujours couché, puisqu'une aussi bonne nourrice que vous — voulez l'Édifier, baignera bien le tenir quelquefois dans les bras.

Vous m'avez demandé à quel âge on peut commencer à le baigner dans l'eau froide ; à la naissance, Madame. Je vous du monde Chrétien, j'avais tenu les Quatre et la plus pure des Fêtes — baptêmeaux leurs enfants pourvu qu'ils ne se plongent dans l'eau de suite dans l'eau toute froide et même glacée. Baignez-les même ; baptêmeux votre enfant par immersion deux fois par jour, et il n'aura pas peur des rhumes.

Vous songez de bon au temps de lui couvrir la tête, mais pourquoi lui couvrir la tête ? Il n'en voit jamais la nécessité.

Si c'est un garçon ; si c'est une fille, il sera tantôt à y songer à sa première communion, et cela même pour être à la raison qu'à St. Paul, que par suite que dans l'Eglise les femmes aient la tête couverte, et la bonne tenue, jusqu'à St. Paul le veut ainsi. Mais le reste de sa tenue qu'elle fasse à son gré en cheveux, jusqu'à l'âge de quatre ans, qu'elle porte ce qu'elle veut. Intéressé et intéressé dans son genre.

Comme un exemple de plus que pour tout cela que l'on trouve d'explication, je joins ici l'extrait d'une Mémoire où vous trouverez tout en fait les solutions de vos questions. Quoique les opinions de les Écoles soient vaines, comme vous l'avez fort bien, Madame, et l'en élève pourtant quelquefois en Europe, même en Suisse, et ce qui est encore plus étrange, même à notre époque, le succès prouve que les deux parties se mélangent le plus de la tendance qui leur fait supporter les forces d'une Éducation si pénible, et du courage qui leur fait braver les claudications des lois des gens d'Église, et les misanthropes encore plus fâchés des beaux-arts.

Si vous voulez, Madame, faire par vous-même les observations nécessaires, prenez la peine d'aller par le chemin voir M. le Prince de Wintemburg, c'est-à-dire fille unique qu'il a eue dans le Mecklenbourg, et il vous fera les plus belles explications plus détaillées, consultez Villers etc. C'est vous m'avez dit à son avis en le meilleur que je puisse vous donner. Après, Madame, je vous supplie, mes salutations et mon respect.

Projet de

Extraits

D'un Mémoire sur l'état d'un Enfant, remis en 84 1763.

Dans quatorze jours, ma fille aura quatre mois complets. Elle est bien constituée etc...

Tous les matins nous baignons la petite dans l'eau de fontaine la plus fraîche, et après l'avoir essuyée légèrement on la laisse sur une partie de la matelasse. On la promène de la sorte au grand air quelque temps qu'il fait, et elle y est déjà tellement accoutumée, que la bête même ne l'éprouve plus.

On ne lui couvre jamais la tête, et elle ne porte ni gants ni bas. Une petite chemise fort ample et ouverte sur la poitrine lui sert de vêtement.

Son lit est composé d'une paillette et d'une toile, et elle ne se couche jamais mieux couchée que quand nous étendons son petit lit sur l'herbe ; car elle aime prodigieusement le grand air. Nous nous étendons nous-mêmes à chaque jour de progrès de sa force ; elle se couche déjà fort librement sur le côté, et même elle est déjà parvenue à se lever sur son ventre.

Après tout ce que je viens de dire vous comprendrez facilement que sa santé est très bonne elle n'est jamais malade ; au contraire, elle est à tout va.

De chaud le froid, le pluie le vent le tonnerre, rien de tout cela ne l'étonne, ni ne lui fait peur. etc.

A Madame
Madame Roguin
née Bouquet
à Rolle

АВТОГРАФ ПИСЬМА РУССО К Г-ЖЕ РОГЕН ОТ 6 АПРЕЛЯ 1764 г. И ПРИЛОЖЕННОЙ К НЕМУ ВЫДЕРЖКИ ИЗ „ЗАПИСКИ О СОСТОЯНИИ РЕБЕНКА“

Исторический музей, Москва

Портрет Ж.-Ж. Руссо, исполненный Латуром, появился в Салоне в 1753 г.; ныне в Сен-Кентенском музее находится портрет Руссо, взятый из мастерской художника после его смерти и являющийся, по всей вероятности, одной из авторских копий; первая, сделанная в 1757 г., была подарена художником Руссо, в свою очередь, передавшему ее своему покровителю, герцогу де Люксанбур (Согг. Gén., III, № 389; ср. «Исповедь», СПб. 1898, кн. X). В 1761 г. Руссо дал Латуру согласие на изготовление гравюры с этого портрета, но с условием, что под ним будет подписан лишь его девиз, а не его имя (Согг. Gén., XIII, № 1617). Этим разрешением, данным Руссо Латуру, воспользовались издатели Руссо—аббат де Лапорт (Laporte) и Дюшен (Duchesne)—для того, чтобы поместить гравированный портрет Руссо в собрании его сочинений, раскрыв, тем самым, и имя обладателя девиза. Из публикуемого письма видно, что Руссо не воспрепятствовал этому намерению, а его переписка 1762—1764 гг. с издателями его сочинений, с Леньепсом, г-жей Буа де Латур и Рейем, в значительной степени посвящена вопросу гравирования портрета и выбору гравера. В то время, когда в Париже гравировался портрет, Латур выразил через Леньепса желание переслать Руссо в подарок вторую написанную им с его портрета копию (Согг. Gén., VII, № 1628). Несмотря на отказ от подарка, который содержит наше письмо, Руссо все же через год согласился принять портрет и очень дорожил им (Согг. Gén., XII, №№ 2253, 2255 и 2256).

Об издании сочинений Руссо, выпущенном книгопродавцем Дюшеном и аббатом де Лапортом—лучшим прижизненным изданием сочинений Руссо,—известно следующее: в 1762 г., по предложению герцогини де Люксанбур, Дюшен издал в Париже «Эмиля» Руссо. Летом того же года Парижский парламент потребовал сожжения книги рукою палача, а в сентябре Леньепс предупредил Руссо, что в Париже тот же Дюшен, совместно с аббатом де Лапортом, затевает издание собрания его сочинений (Согг. Gén., VIII, №№ 1595, 1648).

О проекте этого издания Дюшен написал Руссо 8 января 1763 г., объяснив ему, что переиздание его сочинений предпринято с одобрения герцогини де Люксанбур и с молчаливого согласия Мальзерба (цензора) и вызвано необходимостью изъять из употребления появившиеся в других городах двухтомные издания его сочинений, полные ошибок и неточностей и вышедшие в свет без ведома автора.

Это разъяснение Дюшена все же не рассеивало неприятного для Руссо впечатления, что его сочинениями распоряжаются лица, права на это не имеющие. Но он покорился, потребовав от своих издателей лишь оговорки в предисловии, что издание выходит без участия автора. Тем не менее, жалобами Руссо на Дюшена и де Лапорта, и в тех же выражениях, с упоминанием о «куске хлеба» и «мило-стыне», что и в нашем письме, пестрят и другие письма Руссо того же периода.

Письмо Руссо, которое аббат де Лапорт просил у Леньепса,—очень подробное письмо к Леньепсу от 5 апреля 1759 г. о злоключениях автора с пьесой «Деревенский колдун» и о его взаимоотношениях с издателями Писсо и Рейем. Руссо разрешил Дюшену, в конце концов, напечатать это письмо. Автограф его хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде и опубликован Дюфуром (Согг. Gén., IV, № 620). Это письмо не входит в число сорока шести пронумерованных писем Руссо к Леньепсу.

Упомянутый в письме Байо—один из парижских знакомых Леньепса, предполагавший основать в Мотье. Леньепс хотел через него наладить переписку с Руссо, который из осторожности получал письма на другие адреса, напр., Д. Рогена.

4. Г-же РОГЕН

Мотье-Травер, 6 апреля 1764 г.

Без сомнения, сударыня, вы будете прекрасной матерью, и при том рвении, которое вы проявляете к обязанностям, связанным с этим званием, можно только пожалеть, что г. Роген до сих пор не дал вам возможности их выполнить. Вы обеспокоены мыслью о том, как держать ребенка, с какого времени можно начать купать его в холодной воде и как постепенно покрывать ему головку, а он еще и не родился. Такое проявление материнской заботливости, сударыня, можно признать, с одной точки зрения, вполне уместным, с другой—несколько преждевремен-

ным, но оно во всех отношениях весьма похвально и заслуживает того, чтобы я ответил вам как можно лучше.

На первых порах неважно, лежит ли ребенок в тростниковой корзине или в чем-нибудь другом—лишь бы ему не было слишком мягко, чтобы он лежал повернутым немного на бочок и почаще находился на свежем воздухе. Если он не будет стеснен, он вскоре наберется необходимых сил, чтобы принять удобное для себя положение. Впрочем, он не все время будет находиться в лежащем положении, потому что такая прекрасная кормилица, какой вы желаете стать, будет, разумеется, брать его время от времени на руки.

Вы спрашиваете, с какого возраста можно начать его купать в холодной воде,—с самого рождения, сударыня! Четвертая часть христианского мира, включая всех русских и большую часть греков, крестит своих новорожденных детей, погружая их троекратно в совсем холодную и даже ледяную воду. Поступайте так же. Крестите вашего ребенка, окуная его два раза в день, и не бойтесь простуды.

Вы заранее думаете о том, когда начать покрывать ему голову. Но зачем покрывать ему голову? Я совсем не вижу в этом необходимости, если это мальчик, если же это девочка, то об этом будет время подумать при ее первом причастии, и то повинувшись больше требованиям апостола Павла, который желает, чтобы женщины были в церкви с покрытой головой, чем требованиям разума. Ну что же, в добрый час, раз так угодно апостолу Павлу! Но в остальное время пусть ее собственные волосы служат ей головным убором, вплоть до 30-летнего возраста, когда такая прическа становится неприличной и смешной для женщины.

Так как пример подтвердит все здесь высказанное лучше, чем сотня

РУССО

Фигура из палье-маше работы конца XVIII в., сделана по гравюре Моромладшего, 1779 г.

Музей „Архангельское“

страниц всяких пояснений, я присоединяю к этому письму выдержку из одной записки, из которой вы увидите, как разрешаются на практике все ваши затруднения. Хотя Софьи и Эмили, как вы прекрасно выразились, сударыня, встречаются редко, все же такие воспитываются в Европе, даже в Швейцарии и, что еще удивительнее, даже по соседству с вами. Успех обещает уже служить наградой достойным отцам и матерям за чувство любви к ребенку, которое дает им силу переносить столь обременительные заботы этой системы воспитания, и за их мужество, позволяющее им не обращать внимания на травлю глупцов и церковников и на еще более тупое зубоскальство остроумцев.

Если вы захотите, сударыня, лично сделать необходимые наблюдения, потрудитесь навестить неподалеку от Лозанны принца Вюртембергского, так как это об его единственной дочери идет речь в прилагаемой записке. Если же вам, помимо того, понадобятся бы более подробные пояснения, посоветуйтесь со знаменитым Тиссо. Лучшее, что я могу сделать,—это предложить вам обратиться к нему. Убедительно прошу вас, сударыня, принять мои поздравления и уверения в совершенном почтении.

Ж. Руссо

Адрес: Г-же Роген, урожденной Буке
в Рол

В ы д е р ж к и

из полученной в октябре 1763 г. записки о состоянии ребенка

Через 14 дней моей дочери исполнится полных 4 месяца. Она крепкого сложения и т. д.

Каждое утро мы купаем малытку в самой холодной ключевой воде. После этого легонько обтираем ее и оставляем голой часть утра. В таком виде мы выносим ее во всякую погоду на некоторое время на свежий воздух, и она уже так к этому привыкла, что не боится даже холодного ветра.

Мы никогда не покрываем ей голову, и она не носит ни перчаток, ни чулок. Просторная и открытая на груди рубашонка служит ей одеждой.

Кровать ее состоит из соломенного тюфячка на козлах, и ей лучше всего спится, когда мы расстилаем ее постельку на траве, потому что она необычайно любит свежий воздух. И вот каждый день она удивляет нас развитием своих сил. Она уже довольно свободно поворачивается набок и даже сама садится в постели.

После всего здесь сказанного вы сами поймете, что у нее прекрасное здоровье... Она никогда не плачет, напротив, она всем улыбается. Жара, холод, дождь, ветер, гром—ничто не удивляет и не пугает ее и т. д...

Автограф.—Исторический музей, Москва. Альбом С. С. Уварова.

Адресат письма—г-жа Роген (Roguin), урожденная Буке, жена Огюстена-Габриэля Рогена, старшего из двух племянников Даниэля Рогена, именуемых в переписке Руссо «полковниками». Огюстен Роген помог Руссо в 1762 г. перебраться через горы из Ивердона, находящегося в Швейцарии, в деревушку Мотье, в долине Травер, принадлежавшую Невшательскому княжеству, где преследуемый автор «Эмилия» и «Общественного договора» нашел, наконец, убежище. О. Роген был уже тогда женат на г-же Роген, урожденной Буке, и о визите ее в Мотье вместе с мужем в августе того же 1762 г. вспоминают в своих письмах как Руссо, так и Д. Ро-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
ПИСЕМ РУССО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, 1783 г.

Книга содержит четыре письма к Мальзербу
от 1762 г.

ген. К своему письму к г-же Роген Руссо приложил выписку о состоянии ребенка из Записки, составленной принцем Вюртембергским и присланной им в письме к Руссо 4 октября 1763 г. (Corr. Gén., X, № 1933). Принц Вюртембергский Людовик-Евгений (1732—1795), вступивший в 1793 г. на герцогский престол, проживал неподалеку от Лозанны, считал себя одним из последователей Руссо и воспитывал свою дочь Софью, названную так в честь героини «Эмиля», в духе принципов этого произведения. Впоследствии, в связи с высылкой Руссо из пределов Бернской республики, принц Вюртембергский предпринял хлопоты о разрешении своему «дорогому наставнику» переселиться в Вену. Но после некоторых колебаний в выборе нового отечества Руссо переехал в Англию, после чего переписка их прекратилась.

Публикуемое письмо находится в альбоме автографов, принадлежавшем графу С. С. Уварову и хранящемся ныне в архиве Исторического музея в Москве. Автограф был подарен Уварову княгиней Е. Ф. Долгоруковой, урожд. Барятинской (1769—1849), вместе с автографом письма Вольтера к девицам Буке и большим количеством писем князя де Линь к самой княгине. В сопроводительном письме Долгоруковой к Уварову встречаются указания на то, что письма Вольтера и Руссо были получены ею в подарок непосредственно от адресатов.

Письмо к г-же Роген, урожд. Буке, опубликовано в Corr. Gén. (XI, № 2050) по хранящемуся в Невшательской библиотеке черновому автографу. Дата черновика—31 марта 1764 г.—не совпадает с датой, нашего чистового автографа, помеченного более поздним числом—6 апреля 1764 г. При черновом автографе не было также собственноручно сделанной Руссо выдержки из Записки принца Вюртембергского, публикуемой нами впервые. Отсутствие этого приложения послужило причиной неправильного истолкования Дюфуром указания Руссо на посылаемые г-же Роген «выдержки».

Дюфур предполагал, что выдержки сделаны из более раннего письма самого Руссо к принцу Вюртембергскому (от 10 декабря 1763 г.), между тем, в этом письме говорится о воспитании ребенка в более поздний период его жизни и специально о воспитании княжеских детей (Corr. Gén., X, № 1961).

Упомянутый в письме Тиссо (Tissot Андре-Симон, 1728—1797)—пользовавшийся европейской известностью доктор, живший в Лозанне. Под его наблюдением находилась маленькая дочь принца Вюртембергского.

5. НИКОЛА ДЮШЕНУ

Мотье, 20 июля 1764 г.

Здоровье мое не хуже, чем всегда, милостивый государь, но я все время странствую, и не только для того, чтобы обмануть праздных людей, которые не дают мне покоя, но также из-за своего болезненного состояния. Я убеждаюсь постоянно на опыте, что воздух этих мест, как бы он ни был хорош сам по себе, смертелен для моего здоровья. Это заставляет меня, невзирая на мою слабость и лень, искать другого местожительства, и я решил посвятить весь остаток лета на эти поиски, чтобы иметь возможность переселиться еще до наступления зимы. Ибо я чувствую, что, если останусь здесь еще и на эту зиму, я ни в коем случае ее не переживу.

Я не писал вам не только потому, что при моем скитальческом образе жизни писать неудобно, но также и потому, что у меня не было ничего спешного сообщить вам; я и поджидал, чтобы какая-нибудь новость подтолкнула меня это сделать. Благодарю вас за хлопоты по распространению моего письма. Надеюсь, оно разубедило публику, иначе пришлось бы думать, что она хочет быть обманутой. Тем более, что всем известно, что совсем не в моих нравах скрываться и отрекаться от своих произведений.

Вы очень хорошо сделали, вернув два тома естественной истории г. Панкуку, так как вы были столь внимательны, что уже приобрели их для меня одновременно с четвертым томом. Эти три тома, вместе со всем тем, что вы к ним присоедините, и в совокупности со всем присланным ранее, составляют уже порядочную сумму, и я прошу вас прислать мне счет расходов, чтобы я мог их оплатить.

Меня не интересуют эстампы в книгах, я предпочитаю, чтобы они были отдельно и я мог бы сложить их в папку. Более всего я люблю пейзажи и портреты знаменитых людей как минувшего, так и нынешнего века. Но если под портретами не подписаны имена, прошу вас их поставить, ибо я никого не сумею узнать. Видаете ли вы попрежнему г. Куанде? Пожалуйста, сообщите мне, что он поделявает и как поживает.

Мне придется, любезный друг, просить у вас еще один комплект десяти томного издания in 8°, и не откажите отправить от моего имени один экземпляр этого издания Панкуку, который присылает непосредственно мне «L'Avant-Coureur» и еще другой журнал и не соглашается, чтобы я ему за них платил. Я расплачиваюсь со своими долгами некоторым образом за ваш счет; впрочем, это будет уже в последний раз, если только вам не угодно будет поставить мне этот экземпляр в счет, что было бы, конечно, вполне справедливо.

Кстати, об этом издании; вы опустили в нем одну статью, на которую я вам указывал и которая помещена в «Mercure» за 1751 г. Я весьма тронут и признателен за все любезное и благожелательное, сказанное по моему адресу во введении к тому «Maximes». Мне приятно думать, что именно аббату де Лапорту обязан я этим поступком, требующим в нынешних обстоятельствах весьма большого мужества. Что касается самих «Maximes», то я прекрасно понимаю, что автор не может быть доволен отбором материала, не им самим сделанным. Опечаток в издании немного, но зато есть кое-что похуже—бессмыслицы, которые искажают текст и вводят в заблуждение читателя. Например, Собрание сочинений, т. V, стр. 254, строка 15, напечатано «в о з в р а щ а т ь с я», сле-

дует «отрекатся»*; т. VI, стр. 302, строка 14, напечатано «вкрадываюсь», следует «поучаюсь». «Элоиза», т. I, строка 14, напечатано «разнообразие», следует «истина» («и тысячи других подобных... это не имело...»)**. Шлю вам от всего сердца привет.

Ж. Руссо

18. A Monsieur 27. Dec 1764.

Voici, mon cher Ami, un échantillon que j'ai fait avec la plus grande révérence; mais je le devois à ma juste Defense et à celle de mes amis, connoisseurs. Je ne vous ai jamais vu la robe de Chevalier; mais si par hazard vous l'avez endossée avec celle de Professeur, tâchez de la porter, je vous en prie, pour me faire avec équité. Vous verrez que ce ouvrage n'est presque qu'un commentaire de celui de M. Hegelin; de moins qu'à la Religion. Je voudrois avoir le moyen de lui faire passer un exemplaire. Mais n'ayant d'autre occasion que la poste, les frais dépasseroient la valeur de l'envoi. Je le fais avec vous embarras de tout mon cœur

J. Rousseau

АВТОГРАФ ПИСЬМА РУССО К ЛЕОНАРУ УСТЕРИ ОТ 27 ДЕКАБРЯ 1764 г.

Институт истории Академии наук СССР, Ленинград

Разве выпуск таблиц Энциклопедии прекратился? Вы ведь знаете, что у меня только две первые части в трех томах.

* Ошибки при печатании произошли потому, что по-французски все перечисленные Руссо слова очень близки по звучанию и транскрипции, напр., variété и vérité, s'introduisent и s'instruisent и т. п. В переводе это непередаваемо.

** Слова, помещенные в скобках, зачеркнуты.

Адрес: Господину Дюшену,
книгопродавцу на улице св. Якова
в Париже

На первой странице над текстом помета Руссо:
«Сохранить для нового издания № 50-bis».

На четвертой странице с адресом другим почерком:

«Г-н Куанде передал мне целую серию эстампов к сочинениям Корнеля, которые он вам преподносит и вас [нерзб.] в своем письме».

Автограф.—Исторический музей, Москва. Собрание Г. В. Орлова, № 16/110.

В публикуемом письме Руссо касается некоторых вопросов, имеющих отношение к изданию его десяти томного «Собрания сочинений», которое Дюшен выпускал в 1764 г. вместе с аббатом де Лапортом. Таким образом, это письмо связано по содержанию с письмом к Леньепсу (см. выше, № 3).

Публикуемое письмо напечатано с некоторыми купюрами в Согг. Gén., по тексту издания Мюссе-Патэ 1825 г. («Œuvres inédites»). В печатном тексте отсутствуют конец письма, от слов: «Что касается самих «Maximes», постскрипtum, надпись на письме и адрес, имеющиеся в автографе. Надпись, сделанная в самом начале первой страницы письма: «Сохранить для нового издания № 50-bis», указывает, что это письмо не должно было быть включено в издание, выпускаемое Дюшеном, а предназначалось, очевидно, для того нового, которое Руссо сам начал готовить с автографов и намеревался печатать под собственным руководством (издание вышло уже после смерти автора, в 1782 г.). Помета на четвертой странице письма касается друга и земляка-женивца Руссо—художника Куанде (Coindet). Куанде, автор цикла гравюр к первому изданию «Новой Элоизы», был также одним из граверов портрета Руссо с оригинала Латура для дюшеневского издания (см. выше, № 3). Письмо соиздателя Дюшена, Гюйи (от 15 августа 1764 г., Согг. Gén., XI, № 2166), с извещением, что им уже выслан для Руссо ящик с гравюрами, новинками литературы и «коллекцией эстампов к Корнелю, переданной для него Куанде», дает основание полагать, что помета могла быть сделана Гюйи для себя, как наметка для ответа Руссо. В этом же письме Гюйи заявляет Руссо, что он не допускает возможности внесения авторских экземпляров в счет, предоставляя автору право распоряжаться ими без стеснения для подарков своим друзьям.

В Согг. Gén. (XI, № 2142) опубликована записка Руссо с перечнем эстампов из различных изданий, которые он хотел бы иметь в отдельных оттисках. По утверждению Т. Дюфура, эта записка, печатаемая им с неподписанного подлинника, служила добавлением к публикуемому нами письму. Однако, имеющийся в этой записке повторный вопрос относительно дальнейшего выпуска таблицы Энциклопедии вряд ли понадобился бы Руссо, если он уже поместил его в приписке к самому письму. Повидимому, эта записка явилась приложением к какому-то другому письму, а не к настоящему.

Встречающаяся в письме ссылка на пропущенную статью в «Mercure» («Réponse aux observations sur le discours de Dijon»—«Mercure», июнь 1751 г.) говорит о том, что Руссо, вопреки собственным его утверждениям, все же следил за печатанием своих сочинений у Дюшена, особенно же за тем, чтобы не допустить включения в издание произведений, выходящих под его именем, но не принадлежащих его перу. Таким и явилось опубликованное от его имени 15 мая 1764 г. и направленное против иезуитов письмо к архиепископу д'Ошу: «J. J. Rousseau, citoyen de Genève à Jean François Montillet, archevêque D'Auch, Neufchâtel». Благодарность, которую высказывает Руссо Дюшену,—это благодарность за распространение опровержения именно этого письма. Опровержение было напечатано в Париже (1764) под названием: «Lettre de M. Rousseau de Genève à M.***».

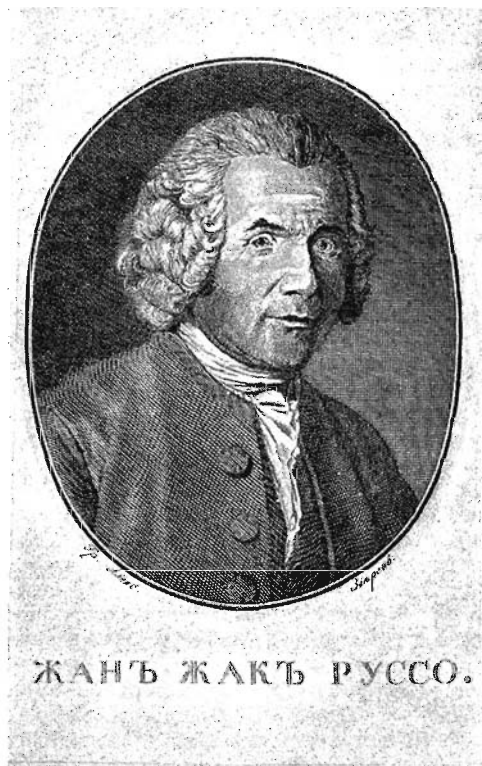
Упомянутый в письме Панкук (Panckoucke)—книгопродавец в Париже, выступивший печатно в «Энциклопедическом Журнале» 1 июня 1761 г. в защиту «Новой Элоизы» («Contre-Prédiction au sujet de la Nouvelle Héloïse, roman de M. Rousseau de Genève, juin 1761»).

Говоря о двух томах естественной истории, возвращенных Панкуку, Руссо имеет в виду «Естественную историю» Бюффона, издававшуюся с 1749—1789 гг. «Естественная история животных» особенно интересовала Руссо.

6. [ЛЕОНАРУ УСТЕРИ]

Мотье, 27 декабря 1764 г.

Вот, мой дорогой друг, сочинение, которое я писал с величайшим отвращением. Но я должен был его написать, как в справедливую защиту самого себя, так и моих прежних сограждан. Я никогда не видал вас в одеянии теолога, но если случайно, вместе с профессорским, вы надели и его,—постарайтесь, прошу вас, его снять, чтобы читать меня без пристрастия. Вы увидите, что это сочинение, пожалуй, не более, как комментарий к сочинению г. Вегелина, по крайней мере, в вопросах, касаю-

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РУССКОГО ПЕРЕВОДА „ИСПОВЕДИ“ РУССО

Издание 1797 г. Гравюра А. Зверева

щихся религии. Мне хотелось бы при случае послать ему экземпляр. Однако, стоимость пересылки, за неимением иного способа, кроме почты, превзойдет стоимость самой посылки. Шлю ему привет и обнимаю вас от всего сердца.

Ж. Руссо

Сбоку помета, вероятно, рукою Руссо: «18».

Автограф.—Институт истории Академии наук СССР, Ленинград. Фонд бывш. Института книги, документа и письма.

Встречающееся в этом письме имя Вегелина дает возможность установить фамилию адресата письма. Первые сведения о жителъствующем в Сен-Галлене, тогда ему еще не известном, французском пасторе Вегелине (Wegelin) Руссо получил от молодого Леонара Устери (Usteri, 1741—1789), одного из деятелей просветительного движения в Швейцарии, позже известного швейцарского педагога, который был лично знаком с Руссо, посетив его впервые, будучи студентом теологии, в Мон-

моранси 10 июля 1761 г. (Corr. Gén., VI, №№ 1114, 1125). Письмом от 25 сентября 1763 г. Устери сообщил Руссо, что Вегелин на страницах одного из берлинских журналов высказал себя сторонником доктрины «Общественного договора» и является первым переводчиком на немецкий язык сочинения Руссо «Письма о театрах». Через Устери скрывавший еще свое авторство Вегелин прислал Руссо на отзыв рукописи двух своих статей, написанных в защиту последнего. Статьи эти были опубликованы в брошюре «Dialogues par un ministre suisse», 1763.

Первая статья—«J. J. Rousseau et Jacob Vernes»—являлась ответом на «Lettre sur le christianisme de J. J. Rousseau» Якова Верна, женевского пастора из круга Вольтера, обвинявшего Руссо за взгляды, высказанные в «Эмиле», в еретическом образе мыслей. Во второй статье—«L'apôtre Saint-Jacques et l'empereur Marc Antoine»—Вегелин пытался защитить деистические взгляды Руссо от яростных нападок протестантского духовенства. Так как и все дальнейшие сношения Руссо с Вегелином, до эмиграции последнего в 1765 г. в Берлин, велись через Л. Устери (Corr. Gén., X, №№ 1948, 1988, 1932, 1999, 2005 и др.), то можно с полным основанием утверждать, что последний и является адресатом нашего письма. Лишним доводом в пользу этого служит и обращение письма: «Мой дорогой друг», которое постоянно встречается в письмах Руссо к Л. Устери.

Дата публикуемого письма, как и отдельные слова и выражения, которыми Руссо характеризует свое отношение к посылаемому Вегелиному сочинению, свидетельствуют, что этим сочинением были его знаменитые «Письма с горы», вышедшие у Рейя в Голландии в 1764 г. Утверждение Руссо, что он считал издание посылаемого сочинения своим долгом, который он исполнял «с величайшим отвращением», объясняется той напряженной обстановкой, в которой писались и появились «Письма с горы».

Начало 60-х годов в жизни Женевы было ознаменовано продолжением крайне ожесточенной борьбы между «народной» партией и партией «аристократической». Приговор государственного совета Женевы, осуждавший сочинения Руссо «Эмиль» и «Общественный договор», послужил для первой из них лишь предлогом для нового боя с «аристократами», в свою очередь, не скупившимися на нападки против автора «Эмиля». Одним из таких враждебных для Руссо выступлений был анонимный памфлет «Письма из деревни», принадлежавший генеральному прокурору Троншену из Рола, другу Вольтера, действовавшему, вероятно, в данном случае по наущению фернейского философа. Ответом на «Письма из деревни» были «Письма с горы», написанные Руссо на тему о религии, свободе и справедливости. Появление «Писем с горы», впоследствии сожженных рукою палача по приговору Парижского парламента от апреля 1765 г., еще более разожгли страсти в Швейцарии. Вслед за Женевой против Руссо выступило также и протестантское духовенство Невшателя, потребовавшее отлучения от церкви автора «Писем с горы», а у представителей оппозиции (т. е. «народной» партии) нехватило мужества отстоять Руссо. Он вынужден был вскоре покинуть Мотье, пытаясь найти убежище на острове св. Петра на Бьеннском озере.

Выражения о долге и отвращении, о желании встретить «беспристрастного читателя», характеризующие отношение Руссо к «Письмам с горы», встречаются и в других его письмах того же периода (Corr. Gén., XII, №№ 2267, 2385, 2369; XIV, № 2716; ср. также «Исповедь», кн. XII). Под «прежними согражданами», в защиту которых, по словам Руссо, он написал «Письма с горы», подразумевались женеvцы, так как, в знак протеста против нападок на него «аристократической» партии, Руссо еще 12 мая 1763 г. отказался от преподнесенных ему в 1754 г. звания и прав гражданина Женевской республики.

Что же касается утверждения Руссо, будто его «Письма с горы»—не что иное, как комментарии к сочинениям Вегелина, то этими парадоксальными словами Руссо хотел, повидимому, подчеркнуть, что он разъясняет в «Письмах» свои сказанные ранее, в других сочинениях, взгляды на религию, которые уже до него пытался в иной аргументации истолковать Вегелин в вышеупомянутых двух своих статьях, а также принести дань благодарности сен-галленскому пастору за его заступничество в печати.

7. [КНИГОИЗДАТЕЛЮ ГЮИИ]

Страсбург, 20 ноября 1765 г.

Ввиду невозможности тотчас же снова отправиться в дорогу, я решил, милостивый государь, воспользоваться хорошим приемом, мне здесь ока-

занным, и задержаться еще на некоторое время в Страсбурге. Я останусь здесь до тех пор, пока не оправлюсь настолько, что буду в состоянии предпринять путешествие либо в Англию,—в таком случае я непременно повидаясь с вами,—либо в Берлин, где меня ждут.

Тем временем, я могу просмотреть ваши листы и начинаю с возвращения вам С и D, которые вы направили мне в Бьенну. Вы можете и впредь, до нового уведомления, посылать мне непосредственно по адресу Ла Флёр, у г. Камма последующие корректуры, и я верну вам их незамедлительно. Но прошу вас, приложите старания, чтобы они были набраны более тщательно и чтобы в них не попадалось больше квипрокво, вроде того, что на странице 18-й.

Я чрезвычайно тронут всеми заботами, которые вы проявляете, чтобы снабдить меня нужными сведениями и ознакомить с наиболее удобными

*J'ai reçu de Madame la veuve Duchesne la somme —
de trois cents livres pour l'année échue le premier de ce
mois de la rente viagère de pareille somme qu'elle me
doit. A Paris le 2. Janvier mille sept cents —
soixante et seize.* *Rousseau*

АВТОГРАФ РАСПИСКИ РУССО ОТ 2 ЯНВАРЯ 1776 г. В ПОЛУЧЕНИИ ПОЖИЗНЕННОЙ РЕНТЫ

Выдана вдове книгопродавца Дюшена

Институт истории Академии наук СССР, Ленинград

условиями путешествия. Когда я буду в состоянии его предпринять, мне помогут здесь во всех хлопотах, с ним связанных, и я постараюсь отправить свой багаж вперед, адресовав его, как вы предлагаете, на ваше имя. Мадемуазель Левассёр сейчас не со мной. Я вынужден был оставить ее на Острове, где она будет находиться до тех пор, пока я окончательно не определю места своего убежища и она не сможет туда переехать. Шлю тысячу благодарностей и приветов г-же Дюшен. Примите и от меня, милостивый государь, самые сердечные приветы.

Ж. Руссо

Автограф.—Исторический музей, Москва. Собрание Г. В. Орлова, № 15/115.

Настоящее письмо, не имеющее ни обращения, ни адреса, опубликовано в Corr. Gén. (IV, № 2844) с печатного издания Мюссе-Патэ 1825 г. («Euvres inédites»), в котором оно было, и вполне правильно, помечено, как письмо Руссо к Гюйи (Guüy), компаньону Дюшена. В печатном тексте, по сравнению с публикуемым автографом, имеются некоторые пропуски и разночтения.

Публикуемый автограф является одним из четырех писем к Гюйи, написанных Руссо во время его недолгого пребывания в Страсбурге (со 2 ноября по 9 де-

кабря 1765 г.) после высылки с острова св. Петра на Бьеннском озере. Тема всех этих писем — обсуждение возможного переезда в Берлин или в Англию, сопряженного для Руссо с многочисленными трудностями. В Страсбурге Руссо продолжает работу над правкой статей на буквы С и D «Музыкального словаря», издававшегося фирмой Дюшен; две первые корректуры были им получены еще в Мотье (19 мая 1765 г.). Наш автограф подтверждает правильность утверждения П.-П. Плана, что адрес Руссо в Страсбурге следует читать «Ла Флёр, у г. Камма», а не г. Кёнига, как напечатано у Мюссе-Патэ (изд. 1825 г.).

8. [РАСПИСКА, ВЫДАННАЯ Г-ЖЕ ДЮШЕН]

[2 января 1776 г.]

Первого числа сего месяца я получил от вдовы Дюшен триста ливров за истекший год, в счет пожизненной ренты в указанном размере, которую она должна мне выплачивать. Париж, 2 января тысяча семьсот семьдесят шестого года.

Руссо

Автограф.—Институт истории Академии наук СССР, Ленинград. Фонд бывш. Института книги, документа и письма.

В своей «Исповеди» Руссо упоминает о 300 франках пожизненной ренты, которую он получал от книгопродавца-издателя Дюшена. После смерти последнего рента выплачивалась вдовой Дюшена. Публикуемый автограф и является одной из расписок в получении этих денег, выданной Руссо уже не Дюшену, а его вдове. Вторая расписка, выданная г-же Дюшен за 1767 г., найдена при письме Руссо к Гюйи (Cogg. Gén., XVIII, № 3669).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕРЕЗА РУССО—ЕКАТЕРИНЕ II

[Осень 1790 г.]

Государыня!

Не ценою похвал даруете вы, ваше величество, свои благодеяния. Истинная слава выше всякой похвалы.

С того счастливого времени, когда ваше величество вступили на престол, науки и все те, кто ими занимаются, стали предметами вашего уважения и вашей благосклонности. Подобно императору Титу, ваши дни отмечались благодеяниями, и Франция увидела своих лучших ученых осыпанными вашими щедротами. Но среди них был один, строгая душа которого склонна была уклониться от какого-либо благодеяния. Но, тем не менее, он преклонялся перед настоящим величием и восхищался вами. Жан-Жак Руссо платил справедливую дань величию вашей души, которая непрестанно направляла ваши труды на счастье ваших народов и привлекала к вам, благодаря вашим благодеяниям и щедрости, всех ученых, просвещение которых могло содействовать вашему величеству в сем благородном деле. С величайшим интересом увидел он, как плоды всего этого выявились в бессмертном труде—«Наказе для комиссии нового уложения» и во всех других начинаниях вашего благотельного и философского правления.

Добродетельный философ, с которым судьба моя была связана в течение 30 с лишним лет, жил лишь для человечества и не думал о себе. Пока он был жив, я переносила это благородное отречение. Счастливая его славой, я не была несчастной из-за его бедности. Но с тех пор, что он отнят у меня, одинокая, покинутая и даже оклеветанная, как был он сам в течение своей жизни, я чувствую свою нищету. Один взгляд вашего величества может облегчить мои бедствия. Разрешите, государыня, молить вас о нем и лстить себя надеждой, что это не будет напрасно.

Les regards sur les traités, de celui qui fut mon épouse. Je vous avais donné place à son côté dans l'enceinte de votre saloir. Daignez, si l'on daigne, donner place à son digne sur l'autre, de vos collègues, cette boîte de vote pour ceux qui, pour les Suisses, ont été d'avis que les uns n'avaient point d'autre.

*Je suis avec le plus profond respect
de Votre Majesté impériale*

La tua humb. esp. lra
obediente servante.
Marie Therese Leumann
1795/10/25

que vous ayez travaillé constamment au bonheur de vos
Citoyens, en vous attachant par des honneurs & des
sagesse, tous les Français. Dans ces dernières provinces
seulement, sous le règne de Louis le noble Prince, je m'en
vite, avec les plus dignes, éclairer les peuples. Dans
ce des d'œuvre immortel, à l'instinct qui trace un
niveau Code de Loix, et dans tous les autres objets
du Gouvernement humain et Philosophique.

Le vertueux Phil. Lyphie, auquel l'on voit par une
indication plus de vaillance d'ame, ne respire que pour
l'honneur et l'estime bien siens. *Entre qu'il a été*
lui rapporté cette victoire d'adulation, l'honneur
de sa gloire; se tiens par malheur de se parer.

et lors depuis qu'il m'a été ravi : sache, abandonné,
calomnié même, comme il le fut d'abord par je
sens toute une classe : un regard de Molière =
Molière pour soulager nos maux : permets-le,
et d'ailleurs, que je l'invoque, j'en fais ce que
bon point-entrain.

Subre. Aja este em qualquer sociedade por ter.

C'est point au près des fuyes que
Notre Majesté
accorde ses bienfaits. Le vrai gloire est au dessus de
toute louange.

Depuis l'époque hennue, on vous a des monter sur le
trône, les sciences et ceux qui les cultivent ont été
l'objet de votre estime et de votre bienveillance.
C'est un plaisir à l'âme vos jours ont été marqués pour des
bienfaits; et la France a vu, en principes, se former
peu à peu vos libéralités. Il n'est, en principe, que
don, sans mesure, sans loi, sans peur à toute époque de
bienfait.

bien faire
Mais il n'en étoit pas venu à l'invitation du maître.
et le dit Dr. Sotter se fardant de non ligues
mêlé. et le dit Dr. Sotter se fardant de non ligues
Roussier pour le juste tribut du grand monde d'au-
gust.

ПИСЬМО ТЕРЕЗЫ ЛЕВАССЁР, ВДОВЫ РУССО, К ЕКАТЕРИНЕ II. ОСЕНЬ 1790 г.

Архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), Москва

Ваше величество, вы изволите иногда обращать свои взоры на черты лица того, кто был моим супругом. Вы поместили его бюст в одной из комнат своего дворца. Сблагovolите, государыня, включить его вдову в список лиц, пользующихся вашим покровительством. Ваша доброта послужит примером для государей, которым вы уже дали столько других примеров.

С глубоким уважением вашего императорского величества

нижайшая и покорнейшая слуга

Мария-Тереза Левассёр,

вдова Жан-Жака Руссо

На обороте помета: «К письму министра Симолина из Парижа под № 94—1790».

Автограф.—Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), Москва, I отд. бывш. Госархива, разряд XVII, № 123. «Прощение Терезы Руссо, вдовы Жан-Жака, о пожаловании ей пенсии».

Публикуемое нами обращение Терезы Левассёр, вдовы Ж.-Ж. Руссо, было послано Екатерине II через русского посла в Париже, И. М. Симолина, при донесении от 4/15 октября 1790 г., № 94, и хранится в ГАФКЭ. Датировка донесения Симолина дает основания датировать и самое письмо Терезы Руссо предположительно осенью 1790 г. Первоначальный вариант этого прошения опубликован был бароном Мораном в журнале «Le Gaulois du Dimanche», 14 avril 1907. По свидетельству Морана, прошение было передано секретарю русского посольства Домбровскому (sic)* и подверглось его цензуре. Домбровский высказался против сопоставления имени русской императрицы с именем Людовика XIV («comme fit autrefois Louis le Grand»), которого мы в нашем автографе уже не находим.

В ответном письме к Терезе Левассёр, помещенном в той же статье названного журнала, Домбровский выражает свое удивление по поводу того, что Тереза не знала до сей поры о существовании «великой императрицы», к которой достаточно обратиться вдове, «носящей столь высокочтимое имя Руссо», чтобы не терпеть более нужды. Между тем, Тереза Левассёр стремилась извлечь материальную пользу из своего положения вдовы Руссо, не отказываясь даже и от такой помощи, которую сам Руссо при жизни отвергал (например, от ежегодной пенсии в 2 500 ливров от английского короля). И если в последние годы жизни Руссо в Париже его совместный с Терезой бюджет равнялся 1 450 ливрам в год пожизненной ренты с добавкой около 800 ливров от заработка по переписке нот, то после его смерти Тереза располагала верными 2 800 ливрами (см. Louis Ducros, J. J. Rousseau, 1908, III, app. 211; André Martin Desoën, Marie Thérèse Levasseur.—«Revue de Paris», 15 sept. 1911). Таким образом, и без обращения к Екатерине II Тереза могла бы существовать безбедно.

Что касается отношений Екатерины II к Руссо, то они менее всего могут быть охарактеризованы так, как об этом пишет Тереза. Екатерина и Руссо питали друг к другу взаимную ненависть. Екатерина запретила «Эмиля» в России, а в письмах к Вольтеру издевалась над демократическими и республиканскими идеями Руссо. Наряду с этим, она делала попытки привлечь Руссо на свою сторону: через Григория Орлова она предлагала ему приют у себя под Петербургом (см. письмо Гр. Орлова к Руссо от 2 января 1767 г., Согг. Gén., XVI, 325), через Дидро—100 000 франков наличными и пенсию (см. недавно найденную в архиве графа д'Антрега копию письма Руссо к Сесили Говард 1773 г., которую исследователи этого архива, A. Cobban и R. Elmes, считают заслуживающей доверия.—«Revue d'Histoire littéraire», avril—juin 1936). Оба предложения Руссо отверг, и с особым негодованием последнее, увидя в этом попытку со стороны Екатерины обесчестить его в глазах потомства. Вот почему он «никогда, нигде, ни одним словом» не обмолвился о «тиране», «неразбирающемся в средствах чудовище», как он называл Екатерину (см. упоминаемое письмо к Сесили Говард). Естественно, что ответа на прошение Терезы не последовало.

Упоминаемый Терезой Левассёр бюст Руссо, будто бы находившийся в одной из комнат дворца Екатерины, в инвентарной описи скульптур Эрмитажа не значится (справки Ж. А. Мацулевич).

* Среди сотрудников русского посольства в те годы никакой Домбровский не значится. Возможно, что речь идет о Дубровском, переводчике посольства.